

Николай Добролюбов

**Основные законы
воспитания... Н.
А. Миллер...**

Николай Александрович Добролюбов

Основные законы воспитания... Н. А. Миллер- Красовский

Обскурантистская книга Н. А. Миллера-Красовского вызвала единодушное возмущение русской печати. Либеральная пресса была едина как в методах преследования ретроградного педагога (ирония, насмешка, особенно над безграмотностью автора), так и в убеждении, что это не более как педагогический монстр, отживающее явление. Для Добролюбова идеи Миллера-Красовского – лишь более откровенно выраженные и доведенные до логического предела принципы, которые вполне уживаются в современной массовой педагогике, основанной на подавлении личности. В отзыве на книгу Миллера-Красовского Добролюбов развивал педагогические идеи, высказанные им в статье «О значении авторитета в воспитании» и др. Вместе с тем это было и разоблачение благонамеренного правила «смирненности», составляющего основу авторитарного воспитания. Добролюбов таким образом, в отличие от других рецензентов книги, обнажил реальную связь между педагогическими «принципами» подавления личности и общественной моралью благонамеренности.

Содержание

#1	0005
Примечания	0027

**Николай Александрович
Добролюбов
Основные законы
воспитания... Н. А. Миллер-
Красовский**

Вкратце изложил для семейства и школы Н. А. Миллер-Красовский, кандидат С.-Петербургского университета по факультету историко-филологических наук, классный надзиратель при Гатчинском николаевском сиротском институте. Издание автора. СПб., 1859

Обращаем на эту книжку внимание тех благородных оптимистов, которые слишком много мечтают о благодетельности нашего университетского образования. Они полагают, что университетский курс сам по себе уже способен сделать человека гуманным и благородным, придать его мысли ясность, твердость и последовательность, освободить его от нелепых заблуждений, невежественно передаваемых детям глупыми няньками, и пр. и пр. Пусть же они, эти благородные мечтатели, познакомятся с воззрениями и логикой г. Миллер-Красовского и увидят, до каких позорных нелепостей могут у нас доходить люди, с успехом кончившие курс в университете.

Да, книжка г. Миллер-Красовского делает такой позор высшему нашему образованию, более которого трудно сделать. Автор сам себя на заглавном листе своей книги титуловал *кандидатом* университета; значит, он был в своем курсе одним из лучших студентов. Он поступил в классные надзиратели Гатчинского института и 12 лет, как видно из книги, занимался делом воспитания; следовательно,

он не отвратился от науки и просвещения для житейских целей, как делают многие другие, учащиеся в университете только *для прав*, то есть для чина. Мало того, он и свою воспитательскую обязанность исполнял не машинально, не из-за того только, чтобы иметь средства жить как-нибудь; нет, – он размышлял о своем деле, хотел осмыслить свое назначение, доходил до общих определений, наконец, даже написал и издал сочинение об основных законах воспитания. Можно бы, кажется, ожидать чего-нибудь хорошего. Решительно, он мог и должен был принадлежать к числу лучших студентов университета во время своего курса.

А между тем посмотрите, что говорит он о предмете, которому посвятил себя специально, – о воспитании. В прошлом году мы представляли читателям образец обскурантских, молчалинских понятий из диссертации другого г. Миллера, Ореста[1]. Но диссертация г. Ореста Миллера, несмотря на свою пошлую бездарность, была по крайней мере написана довольно грамотно и не решалась пускаться в практическую сферу, довольствуясь восхвале-

нием молчалинских добродетелей только в теории. Г-н Миллер-Красовский, основываясь на собственной *двенадцатилетней* практике, прямо преподает воспитателям и юношам правила практической деятельности, уверяя, что он основывается «на святой вере и на самой жизни» (стр. 69). Даже в газетной публикации о своей книге он прибавляет, что *педагогика краткая эта весьма важна и полезна, потому что изложена по опытности из русской жизни* (см. «С.-Петербургские ведомости», № 118). Но, несмотря на такую авторскую рекомендацию, какое дикое смещение самых разнообразных понятий представляется в его книге! *Жизни* в ней нет вовсе, и видно, что автор о жизни вовсе не заботился, сочиняя свои правила: так все в них мертво и формально. О *святой вере* часто упоминает г. Миллер-Красовский; но и ее внушениями он не пользуется так, как бы следовало. У него встречаются правила, им самим придуманные и отличающиеся чрезвычайно мрачным характером. Мы, конечно, если бы и хотели, то никак не могли бы упрекнуть автора за некоторые места, например за его общее по-

нятие о немецкой и русской истории, выраженное им на стр. 5–6.

Воспитание по цели и по содержанию может служить зеркалом истории каждого народа. Немцы, например, воспитывали человека, развивая его индивидуальные силы не для государства, а для всего человечества. Такое слишком отвлеченное стремление теперь оказывается непрактическим как в единичном человеке, так и в целой Германии, где, при всех ее достоинствах, недостает единства и сосредоточенности сил. Совсем другое мы видим в России. Богатая история русского народа постоянно развивалась из двух начал, красноречиво и сильно выразившихся в минуты отечественной невзгоды. Это именно наш народный девиз: «за веру и за царя».

Такие рассуждения должно признавать вполне благонамеренными, и мы нарочно их выписали, чтобы с самого начала дать читателям понять, что г. Миллер-Красовский по своим основным убеждениям не принадлежит к числу людей неблагонамеренных. То же

самое должны мы сказать и о следующем месте, рассуждающем, хотя довольно безграмотно, о хранении старинных обычаев:

Школьное знание отечественной истории всегда останется в молодом человеке мертвым, оно не перейдет в его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговеть пред обычаями, нравами и делами – как семейных, так и народных предков. Тут мы понимаем не одних гербов, не громких торговых фирм; нет, – и в крестьянской избе отцы и деды должны служить путеводительными точками для молодого поколения. От стариков оно должно учиться верно служить богу и царю. Эта мысль – основа воспитания (стр. 21).

Благочестие и кроткая благонамеренность автора выражаются и в следующем месте, восставать против которого мы также не смеем:

И мы говорим: воспитывайте естественно, да только в той мере, как оно согласно с законами святой церкви и отечества. Дисциплина налагается

на нас свыше, и потому уже верующий человек не рассуждает, почему оно так и не иначе. А если он сумеет заглянуть в человеческое сердце, так он действительно там найдет много такого вредного и лишнего, что искоренимо одною строгою дисциплиною (стр. 26).

Чувство патриотизма, которого нельзя по-рицать, и смирения, которому нельзя не удивляться, видно и в следующей заметке автора о наградах ученикам:

Во Франции педагогия громкими, щедрыми наградами развивает самолюбие до тщеславия; у нас награда действительная, потому что освящена смиренностью, как святая церковь и требует этого: она большею частию раздается благословляющею рукою духовной особы (стр. 41).

Нельзя также не отдать справедливости чувству благочестия, которое согревает г. Миллера-Красовского, приводя его к следующим положениям, напечатанным в его книге нарочито крупным шрифтом:

1) КАЖДОЕ КРЕЩЕНОЕ ДИТЯ ПРИНАДЛЕЖИТ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ И ПОТОМУ ЗАНИМАЕТ ЗАКОННОЕ МЕСТО МЕЖДУ МИРОМ.

2) КАЖДОЕ КРЕЩЕНОЕ ДИТЯ РАСТЕТ ПОД СВЯЩЕННЫМ ДЕЙСТВИЕМ СВЯТЫХ ТАИНСТВ КРЕЩЕНИЯ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОНО ИМЕЕТ ПОЛНОЕ ПРАВО И НА УВАЖЕНИЕ МИРА (стр. 43).

Если строки эти показались вам слишком крупны, – вина не наша: таким шрифтом почтены они у самого автора.

Объясняя свои крупные положения шрифтом более мелким, г. Миллер-Красовский прибавляет:

Дитя есть божие достояние, отказывать ему в уважении христианское благочестие запрещает. Родители разумнейшим образом возбуждают и развивают это чувство, – если, например, день ангела, день рождения дитяти всегда празднуются благодарственным молебствием, если дитя получает подарок и другие маленькие преимущества. Под таким направлением дитя поймет, что оно также имеет значение, также, принадлежит

церкви и любимо богом (стр. 43).

Делая честь благочестию автора, эти мысли совершенно согласны и с общими его воззрениями, выражаемыми, например, в следующих строках:

Закон природы уж таков, что свету противоречит мрак, теплоте – стужа, оазам – песчаные знойные степи. Но творец мудро устроил все. Поставив человеческий разум для уравновешивания и поборения враждебных физических сил, он и человеку также дал возможность развить разум. Человек от бога получил закон, его откровение и с тем вернейшее средство побороть собственные зародыши нравственного мрака, зноя и холода. Всемирная история ясно доказывает нам, что там, где человек отступал от закона, господь и карал его в той мере, в какой истина нарушалась (стр. 44).

Но, проводя в своей книге общие идеи, заимствованные, по выражению автора, «из русской жизни и веры», г. Миллер-Красовский доходит до крайностей столь нелепых, что трудно поверить, чтобы дошел до них че-

ловец, с успехом кончивший курс наук в университете. Он постоянно вооружается на немцев (г. Миллер-Красовский!), говоря, что они омрачены русскими плевелами (стр. 45) и филантропическими тенденциями и вследствие того – толкуют учащимся про их права. Это вменяется им в большое преступление г. Миллером-Красовским, который свои собственные воззрения развивает вот в какой последовательности:

Но если же воспитатель должен довести питомца – будущего гражданина – до сознания, что права человека преимущественно измеряются исполнением гражданских обязанностей; и если всякая гражданская обязанность есть не что иное, как безусловное подчинение нашей индивидуальной воли правительству и отечественным законам, то, само собою разумеется, послушание, требуемое воспитателем от питомца, будет основой и гражданского послушания. Самоограничение и самоотвержение – главнейшие действователи в воспитании: они вырабатывают в молодой душе способность подчиняться общенародным

целям. Этим же подчинением под общее мы и, в свою очередь, пользуемся общими нравственными, умственными силами и общим, покровительством, то есть благостию церкви и государства (стр. 8).

Сколько можно понять из неграмотного изложения, автор хочет сказать, что человека нужно воспитывать единственно для государства. Иначе сказать – нужно подавлять в нем личную волю, с малолетства заглушать всякое сознание своих прав (кроме только приведенных выше празднований дня ангела, рождения и пр.) и целью всего воспитания поставить дисциплину и субординацию. Так именно и полагает г. Миллер-Красовский. В конце книги, сводя к одному результату все свои положения, он ставит четвертым основным положением следующее:

«Воспитание и образование, по форме и содержанию, не что другое, как одно повиновение» (стр. 69).

Даже родительской и детской любви он не оставляет места в воспитании без дисциплины. С цинической грубостью, с самым варвар-

ским неуважением к лучшим чувствам человеческой природы г. Миллер-Красовский говорит (стр. 27):

Мы не станом более доказывать, что одна дисциплина прочит родителям детскую любовь; смысл ее лучше всего выражен непреложною педагогическою истиною:

*ПОВИНУЯСЬ, ДЕТИ УЧАТСЯ ЛЮБИТЬ
(но не наоборот).*

Мало этого, г. Миллер-Красовский считает вредным даже то, когда детям объясняют, почему они должны сделать то или другое, НЕ РАССУЖДАЙ, А ИСПОЛНЯЙ! – огромными буквами напечатано на 33 стр. его книги. И этому страшному изречению предшествует следующее рассуждение:

Мы часто замечаем, что родители облегчают детям повиновение, убеждая их в воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами.

Это, в сущности, то же самое, что освобождение от всякого повиновения, потому что убежденное дитя уж более не слушается родителей, а причин, резонов, и таким образом только при-

выкает резонировать... Слабая мать, слабый воспитатель, поясняящие детям свои требования резонами и причинами, только снисходят на степень покорных слуг пред детьми; зато последние нередко и делаются маленькими деспотами. Нельзя вообще допустить ни под каким видом идею равенства между воспитывающим и воспитанником; оно несогласно с заповедью. Мы, однако, сами часто доводим ребенка до греха именно тем, что возбуждаем нашими вечными резонами в нем охоту возражать. Дитя, привыкающее к возражениям, мало-помалу усвоивает себе право переговоров. А что же возражения, переговоры, как не идея равенства! – Положим, убежденное дитя действительно и покорилося необходимости, так оно сделало это, уж не повинуюсь высшей воле, – оно покорилося собственной, самоугодной силе сознания (как это печально!). При таком направлении дети не только легко лишаются необходимого благоговейного чувства к воспитателю; они и всю жизнь страдают... Если мы признаем истину, что при-

вычка много значит и что человек всегда и постепенно доходит от малого до великого, то здоровое воспитание и не допустит резонов у детей. Оно непременно установит для всех воспитываемых, без разбора возраста исловия, – разумное правило: НЕ РАССУЖДАЙ, А ИСПОЛНЯЙ.

Как видите, г. Миллер-Красовский вовсе не хочет, чтобы дети слушались *резонов*. Нет, пусть их слушаются чужих приказов, не смея и подумать о том, разумны или нет эти приказы. Повиновение, дисциплина – вот основа и цель воспитания. А добиться повиновения можно не приучением детей к разумному согласию с волею воспитателя, к внутреннему одобрению его требований, а просто наградами и наказаниями. Награды (то есть внешнее одобрение, знаки отличия и т. п.) г. Миллер-Красовский признает необходимым и единственным стимулом всякой деятельности человеческой. Он говорит:

Карамзины, Пушкины, все, кто только не (то есть ни) записан в (то есть на) золотых скрижалях истории, наверно,

не возвеличили бы своими дарами человеческого достоинства, если бы им с молодости твердили: ты работай, трудись, – но награды не жди! (Какой же награды? Понятие автора об этом отчасти объясняется следующим, тут же приводимым у него примером.) И гениальный Суворов, после бессмертных подвигов русского оружия в Италии, писал еще из Италии нашему посланнику при лондонском дворе: «Пришлите мне подвязок» (стр. 38).

Страсть получать знаки отличия и всякие награды очень похвальна с точки зрения г. Миллер-Красовского, который высочайшую степень достоинства человека поставляет в смиренности. К приобретению смиренности должен, по его мнению, каждый человек стремиться как к идеалу человеческого совершенства. С одушевлением говорит он на этот счет: «Легко может быть, что иной яркий луч, иной прекрасный цветок в нашей литературе рано померк, рано увял от горделивой воли, от недостатка в благочестивой смиренности. Так, например, в произведениях Лермонтова, любимом поэте молодежи, мы находим

естественную силу и красоту, отголоски величественной кавказской природы; но зато весьма редко встречаем в них нравственную силу – смиренность» (стр. 16). Без *смирности* же человек погиб, по мнению г. Миллер-Красовского: от недостатка смиренности и вследствие «плевел филантропизма» германский народ много бедствовал, и «мудрено ли после этого, если Наполеон двумя ударами, при Иене и Ауерштедте, покорил Пруссию?» (стр. 23). Опасаясь, как видно, чтобы и Россию не постигла столь же печальная участь, г. Миллер-Красовский очень подробно толкует о разных наказаниях, посредством которых можно произвести в детях смиренность и отучить их от всякой претензии на какие-нибудь нрава. Как и следовало ожидать, г. Миллер-Красовский очень одобряет розгу; но в ней он видит и некоторые неудобства, состоящие в том, что процесс сечения берет много времени. Против карцера г. Миллер-Красовский восстает решительно, находя, что он не убьет, а скорее «укрепит молодую грешную волю»:

В школе еще карцер играет важную

роль: оно, по мнению многих педагогов, потому полезно, что молодой грешник может на досуге удобно обдумать свою вину. Мы же держимся совсем другого мнения: наша двенадцатилетняя практика говорит нам, что продолжительное наказание большею частью не только бесполезно, оно даже способствует зачерствению и озлоблению молодой натуры. Быстрое, моментное действие же воспитателя всегда более потрясет, чем систематически задуманные приемы и способы. Наша главная задача единственно состоит в том, чтобы предавать смерти молодую грешную волю, а не давать ей на досуге, во время дльщегося наказания, укрепляться. Это, как уже сказано, достигается одною быстротою, основательным, сильным моментным потрясением (стр. 50).

Что же понимает автор под сильным моментным действием, пользу которого доказала ему двенадцатилетняя практика? Не розгу, читатель, не розгу: она кажется все еще не довольно сильным и быстрым средством.

Двенадцатилетняя практика убедила г. Миллер-Красовского в пользе другого, более действительного способа наказания, именно – *пощечины!* В доказательство благотворности пощечины, или, точнее, *трех пощечин*, г. Миллер-Красовский рассказывает даже *быль*, которую мы представляем читателям во всей ее первобытной красоте, не омрачая ее ни одним замечанием... По нашему мнению, всякая прибавка, всякий знак вопроса много бы отнял у этого неподражаемого рассказа, способного возмутить самого невзыскательного человека, даже выросшего в строгих правилах старинной бурсы или бывшего кантонистского положения. Вот рассказ г. Миллер-Красовского в том виде, как он напечатан в его книжке, на стр. 53–55:

БЫЛЬ

В семье отец и мать часто давали детям своею неладицею соблазнительные примеры. Не то чтобы старики вечно ссорились; этого не было. Но отец, бывало, придет домой из должности и начнет ворчать на детей и на

жену: то нехорошо, третье, десятое. Дети, разумеется, привыкли бояться вечно недовольного отца и мало-помалу потеряли любовь к нему, ласкали одну свою нежную, добрую мать. Редкий день не проходил без отцовского наказания; а дети как были ленивые, задорные, так и оставались. Когда умер отец, для матери уж трудно было мудро и твердо править своим царством. Один из мальчиков в особенности много озабочивал ее, два года в классе сидел и все не знал таблицы умножения. Тут надобно было препоручить его опытному человеку, что и сделали. Учитель слегка начал свое дело, приходил в дом только на два часа, был добр, мягок, ласков, как следует; потому мальчик скоро привык к порядку, хорошо занимался. Но – увы! – через месяц старинное упрямство опять появилось: сынок по-прежнему не слушается матери, спит сколько угодно, на каждое замечание возражает матери, просто

не боится. Эта комедия продолжалась неделю; мать не хотела жаловаться учителю, надеясь, что ее наставления вразумят упрямыца. Однажды учитель приходит на урок в 10 часов утра и застаёт все семейство еще за кофеем, кроме Пети. Мать посылает за Петей, – Петя не идет, не хочет кофея. Учитель сам наконец требует чрез меньшего брата Пети к столу, ему приносят ответ, что Петя не идет, и баста. Все замолкло, – мать и дети покраснели, – учителю также неловко стало. Как тут быть? – Случай необычайный, а между тем и для других дурной пример. Учитель, хотя нехотя, отправляется в комнату Пети, все надеясь еще, что грешник сконфузится, покорится ему. Не тут-то было. «Зачем ты к кофею не явился?» – «Я, я не хочу!!» – «Как, ты не хочешь?? вот тебе!» – Петя с такой быстротою получил три пощечины, что совсем растерялся, заплакал и давай просить у матери прощенья. Нужно заметить,

что он прежде не умел каяться. Покоренный витязь весь день плакал, хныкал, но дело было кончено. Петя познал, что вдаваться в новую борьбу с ласковым наставником ему не по силам, и пошел себе хорошо, стал, любезным, прилежным воспитанником, нежно любящим сыном. Если бы же употребляли розгу, что берет больше времени, чем скорая о_с_т_о_р_о_ж_н_а_я пощечина, то мальчик 12 лет имел бы время собраться духом, вынес бы казнь и остался бы упрямым. *Прежние частые отцовские побои вбили в Петю упрямство; благоразумный, беспристрастный наставник же основательно вылечил Петю тремя пощечинами. Кто усомнится или упрекнет нас, что этот рассказ не быль, а выдумка, тот наверно не заглядывал в жизнь, тот силен одними кабинетскими теориями. Мы повторяем: личность воспитателя много значит; она-то и решает самые трудные проблемы*

педагогии.

Прочитав эту быль, припомните, что автор сам – классный надзиратель в одном из наших учебных заведений, припомните его слова, что убеждение относительно моментного действия «сложилось в нем так твердо и непоколебимо вследствие двенадцатилетней практики», припомните, что он принимает правило: *«не рассуждай, а исполняй»*, и требует безусловного повиновения своей воле, признавая, что успех воспитания зависит от личности воспитателя, употребляющего сильные моментные действия, – припомните все это и пожалейте, вместе с нами, об участи несчастных детей, которых злая судьба бросает в руки такого воспитателя. Что может быть жалче и безотраднее их положения? От них требуют повиновения; но повиноваться воспитателю по любви к нему – г. Миллер-Красовский считает вредным; повиноваться по убеждению в разумности приказа – тоже считается опасным; представлять возражения, обнаруживать самостоятельность воли, – это уж такое преступление, за которое г. Миллер-Красовский карает детей «сильным мо-

ментным действием». Бедные, жалкие дети! Что-то выйдет из вас, когда к вам прилагается постоянно такая система воспитания!

А между тем г. Миллер-Красовский – кандидат университета по факультету историко-филологических наук; свой образ действий употребляет он сознательно и обдуманно; в «двенадцатилетней практике по моментным, потрясающим действиям» он не боится признаться печатно и даже попрекает *кабинетскими теориями людей*, которые не захотят согласиться с ним в благотворности пощечины или *трех пощечин!* Что же после этого делается в тех темных уголках, теми темными личностями, которые о себе не печатают!?

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 6, отд. III, с. 331–340, без подписи.

Обскурантистская книга Н. А. Миллера-Красовского вызвала единодушное возмущение русской печати. Либеральная пресса была едина как в методах преследования ретроградного педагога (ирония, насмешка, особенно над безграмотностью автора), так и в убеждении, что это не более как педагогический монстр, отживающее явление. Общее настроение либеральной печати выразили «Отечественные записки»: «Больно сознаться, что подобные явления еще возможны в нашей литературе» (1859, № 7, отд. III, с. 51). На этом фоне критика Добролюбова была наиболее конструктивной. Для Добролюбова идеи Миллера-Красовского – лишь более откровенно выраженные и доведенные до логического предела принципы, которые вполне уживаются в современной массовой педагогике,

основанной на подавлении личности. Процветавшие в николаевскую эпоху, эти принципы были лишь завуалированы в новые либеральные времена.

В отзыве на книгу Миллера-Красовского Добролюбов развивал педагогические идеи, высказанные им в статье «О значении авторитета в воспитании» (наст. изд., т. 1) и др. Вместе с тем это было и разоблачение благонамеренного правила «смирности», составляющего основу авторитарного воспитания. Добролюбов таким образом, в отличие от других рецензентов книги, обнажил реальную связь между педагогическими «принципами» подавления личности и общественной моралью благонамеренности.

Сам Миллер-Красовский, очевидно, понял радикальный смысл добролюбовской критики и позволил себе публично намекнуть на это: «Редакция «Современника»... усвоила себе право судить о вещах, которых, как видно, решительно не понимает или, что еще хуже, понимать не хочет» (Миллер-Красовский Н. Педагогическая истина. – Северная пчела, 1859, № 142).

Рецензия Добролюбова вызвала сочувственный отклик П. М. Цейдлера, который в своем письме в редакцию «Современника» уверял, что Миллер-Красовский, будучи его подчиненным по Гатчинскому сиротскому институту, не мог применить свои «позорные нелепости» к воспитанникам (*Совр.*, 1859, № 8). Вскоре Добролюбов, отвечая Миллеру-Красовскому и Цейдлеру, напечатал еще одну рецензию на «Основные законы воспитания» (*Журнал для воспитания*, 1859, № 9 – V, 232–236).

Комментарий

Имеется в виду рецензия Добролюбова на диссертацию О. Миллера «О нравственной стихии в поэзии...» (наст. изд., т. 1).

[^^^]